

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Пётр Иосифович КРУГЛИКОВ

*24 июня 1886 г. — дата и место кончины
неизвестны*

Биографическая справка

Российский и советский педагог, краевед, историк, социолог, специалист в области методики преподавания и воспитания, организации краеведческой деятельности.

Окончил Московский университет, владел английским, французским и немецким языками. Занимал должность профессора Казанского высшего института народного образования, являлся сотрудником психофизического отдела (позже преобразован в психотехническую лабораторию) Института научной организации труда в Казани. Казанской городской конференцией по научной организации труда (НОТ) в апреле 1921 г. был избран в Бюро НОТ, реорганизованное в апреле следующего года в Институт научной организации труда, и проработал здесь до 1923 г. Будучи членом мордовского отдела Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, 8 августа 1921 г. поступил на службу в Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР в Москву в качестве члена ученой чрезвычайной комиссии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Литература

Пять лет работы (1921–1926) / Под ред. И. М. Бурдянского. Казань, 1926; *Стоюхина Н. Ю.* Из истории методологических поисков в психологии раннего советского периода // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: В 2 ч. Ч. 1. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности: Материалы VII Международной научно-практической конференции (20–22 октября 2015 г.) / Под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль, 2015. С. 110–113; *Батыршина А. Р.* История возникновения психотехнической лаборатории Казанского института научной организации труда // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 236–248.

Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин

Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе¹

I

Психология, этнология (т.е. история первобытной культуры), история (в широком смысле слова истории культуры, включающей в себя и историю языка с литературой, историю искусства, права и философии)² и политическая экономия — вот те основные гуманитарные дисциплины, которые изучают человека и его духовную жизнь.

Этнология, история и политическая экономия давно уже тяготеют друг к другу и пытаются слиться в единую науку. Во Франции и в России для объединения этих трех родственных областей преимущественно употребляется термин социология, *социальные* или *общественные науки*. В Германии же, особенно в последнее время, более популярен термин *Kulturwissenschaften*, *науки о культуре*. Два наклона мысли, которые выражены в этих двух понятиях, настолько невраждебны друг другу, что их употребляют то одно взамен другого, то оба вместе.

Для этих трех научных областей характерны и тенденция называться науками о культуре и обществе, и оторванность от психологии. Одно и другое находится в теснейшей зависимости, одно другое объясняет.

Культурно-социальные науки (будем их так называть для краткости) потому и оторвались от психологии, что они почти все свое внимание сосредоточили на «развитии культуры» и «развитии общественных форм», *утеряв из виду живого человека* и свойства его психофизиологической природы. Большинство представителей культурно-социальных наук если и помнили о человеке, то представляли его себе на манер пустого коридора, через который шествует «развитие культуры и общества». Вот откуда их вера в бесконечный прогресс, в развитие «всего из ничего»; они забыли наследственность.

В настоящее время эта односторонность культурно-социальных наук должна стать для нас ясной.

Ведь нельзя не согласиться, что все многообразие исторических, этнологических и экономических фактов не укладывается в понятие «социальных явлений».

Взять хотя бы: первоначальное разделение труда между женщиной и мужчиной; образование классов в первобытном обществе не на экономической, или политической, а на возрастной основе; наивную магическую физику и медицину каких-нибудь австралийцев, их уверенность в своей власти над при-

1 Публикуется по изданию: *Кругликов П. И.* В поисках живого человека. Очерк 1: Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе (Сборники Ассоциации для изучения общественных наук при высших учебных заведениях города Казани). Казань: Гос. изд-во, 1921. С. 9–61. — *Прим. ред.*

2 В дальнейшем изложении понятие истории будет употребляться в этом широком смысле слова.

Пётр Иосифович Кругликов

родой, в своем умении влиять на погоду, урожай и жизнь человеческую; страх смерти у людей и вызванное им стремление к религиозным и философским утешениям; роль чувства ритма в воспитании человеческого трудолюбия и т. д., и т. д. Этого рода фактов можно привести очень много. Кто ставит истину выше любимого направления, тот согласится, что все эти явления нельзя объяснить, не принимая в расчет человеческую природу, физические и психические свойства человеческих индивидов.

Но очевидно, что не все с этим согласятся. Крайний социологизм, представленный школой, точнее, сектой неопозитивистов, учеников Конта (Дюркгейм, Де-Роберта, Колле, Драгическо и др.), дошел до фанатической веры в чудодейственную силу общества. Человек как организм с природными склонностями и способностями совершенно вычеркивается из истории; он *tabula rasa*, на которой общество рисовало свои чертежи. Даже логика и высшие логические понятия – продукт общества (Дюркгейм)¹. Мозг человеческий только проводник общественных влияний. Превосходство человека над животными сводится к большему объему, к большей сложности, к растущей дифференциации и интеграции человеческих обществ (Драгическо)².

Точно также и узким понятием культуры не покрывается бурный поток человеческой жизни. В него не втиснешь таких важных явлений, как фанатизм, инквизиция, «суд Линча», алкоголизм, проституция, азартные игры, вырождение, наконец неизменная спутница человеческой истории – война и приносимое ею уничтожение жизни и культуры, – одним словом, всего того, что мы называем иррациональным элементом в истории.

Таким образом, одностороннее стремление свести все факты человеческой истории к явлениям социальным или культурным ведет к игнорированию или непониманию огромного и важного куска человеческой жизни. Это во-первых.

А во-вторых, и это самое главное, утерев из виду живого человека, мы забыли, что *и общество с культурой есть также проявление человеческой природы*. Искусство, наука, религия, хозяйство, государство, семья, партия, профессиональный союз – все это в такой же мере проявления сложной противоречивой природы человеческой с ее влечениями, страстями и фантазиями, как и неистовая воинственность, беспощадная конкуренция, переутомление от борьбы и чрезмерного труда, одичание, разрушение и упадок культуры. Большинство историков общества и культуры, *изучая проявления человека*, его историческое поведение, *игнорировали самого человека*, прирожденные влечения, способности и дефекты его природы. Заслуженный упрек получили они от Шопенгауэ-

1 *Durkheim*. Représentation individuelle et représentation collective (Revue de métaphysique, 1898). (Приводим точные выходные данные: *Durkheim É.* Représentations individuelles et représentations collectives // Revue de Métaphysique et de Morale. 1898. V. 6. Mai. Подробнее об авторе см. Именной указатель. – *Прим. ред.*)

2 *Draghicesco*. L'individu dans le déterminisme social. (*Drăghicescu D.* Du rôle de l'individu dans le déterminisme social. Paris, 1904. Подробнее об авторе см. Именной указатель. – *Прим. ред.*)

Методологические проблемы психологии

ра. «Сущность человеческой жизни, — сказал он, — подобно сущности природы, всюду и всегда вся налицо, и поэтому для того, чтобы надлежащим образом понять ее, нужна только известная глубина концепции. История же надеется заменить глубину шириной и длиной»¹.

II

Большинство психологов уклонилось в другую крайность. Они *изучали* основные *свойства человеческой души* (ум, чувство и волю), *игнорируя ее проявления*, не желая знать, как эта душа показала себя в исторической жизни (другой ведь жизни нет), к чему стремилась, от чего страдала, чем утешалась, чем она себя заявила в семье, хозяйстве, политике, религии и т. д. Психологов почти не интересовал конкретный, живой, исторический человек. Держась декартовской традиции, они считали своей главной задачей исследование основных свойств человеческого сознания. Они изучали «человека вообще», отвлеченное существо вне времени и пространства, очищенно от всех самых характерных поступков.

Остановимся на этом явлении подробнее.

В самом деле, нам прежде всего хочется понять те психические факты, которые историческими «горами двигают», т. е. приводят или к большим историческим созиданиям, или к большим разрушениям. Нам хочется узнать *все побудительные стимулы человека*, принимающего то или иное участие в войне, революции, промышленном перевороте, организации профессионального движения, научном и художественном творчестве и т. д. А затем нам не менее (а может быть и более) интересно изучить все те человеческие свойства, микроскопических морских ракушек, медленно изменяющиеся пласты «бытовой жизни» (вкусы, привычки, нравы, развлечения, сплетня, клевета, личные счеты, знакомства, привязанности и т. д.).

Понять все эти *мотивы поведения живых людей в живой жизни*, или, как прежде говорили, познать «человеческое сердце», нас побуждают не только теоретическая любознательность, но и реальный, жизненный интерес. Только тот, кто в совершенстве изучит все пружины людских поступков, в особенности сильные, общераспространенные, массовые пружины, только тот будет держать в своих руках секрет успешного, практичного строительства жизни. Это знание нужно всем. Ибо все мы волей или неволей строим жизнь среди людей, из людей, в союзе с людьми или в борьбе с ними. Всем нам так или иначе, в той или иной области приходится *воздействовать на людей, приспособляться к ним*, т. е. *играть на человеческих свойствах*, как хороших, так и дурных. Поэтому не только педагоги, офицеры, депутаты, журналисты, юристы, организаторы учреждений и больших хозяйственных предприятий, но и все остальные смертные должны учиться этому очень трудному, а иногда и печальному искусству. Без него и собственную судьбу не устроишь как следует, и профессию, дело себе не выберешь по плечу, соответственно своим силам и способ-

1 Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. М., 1910. Т. II. Глава 38. Об истории. С. 455. — *Прим. ред.*

ностям; эти силы и способности не сумеешь направить целесообразно и продуктивно, ибо не знаешь их, и никто тебя не научил этому знанию. Не знаешь и своих слабостей; а это особенно важно.

Когда же человек, не умудренный самопознанием, составит себе в мечтах ложное представление о своих наклонностях и бросится строить свою жизнь соответственно этим мечтам, не рассчитав своих сил и не учтя своих слабостей, его может постигнуть катастрофа. Из его жизни получится или трагедия, или комедия. Он будет строить одно, а в результате окажется совершенно другое.

Такова трагедия мадам Бовари в известном романе Флобера. Героиня этого произведения, воспитанная на романической литературе, за монастырскими стенами, вдали от прозаической жизни, вся ушла в мечту о «блаженстве» и «упоении». Ей казалось, что есть места на земле, порождающие блаженство, как растения, свойственные этой земле и не принимающиеся на другой почве. Напившись из книг этого «обольстительного обмана», Бовари по выходе из монастыря бросилась на поиски той «чудной страсти», которая, как гигантская птица с розовыми перьями, парила над нею в блеске поэтических небес!¹ Так и не нашла она этой «птицы с розовыми перьями». И люди, и жизнь, и она сама оказались не такими, как рисовалось ее романтическому воображению. Но эти порывы мечты привели к ряду поступков, закончившихся продажей имущества за долги и самоубийством.

Имя Бовари стало нарицательным. Жюль Готье пустил в ход термин «боваризм». Этим понятием в литературе стали обозначать склонность к *мечтательному самообольщению*, которое застилает людям глаза на будничную правду жизни и на человеческие слабости². Эту склонность людей к «нас возвышающему обману»³ отметил еще Пушкин (стихотворение «Герой»).

Боваризм, резко выраженный у мечтательных натур, в зачаточной степени, как предрасположение, присущ вообще человеческой природе. Но с ним можно бороться разумным воспитанием. При неблагоприятных же общественных условиях и при уродливом воспитании это предрасположение может вырасти до огромного недостатка, который будет мешать умно, практично строить жизнь. При соответствующей исторической ситуации боваризм может охватить целый класс людей.

Разве русская интеллигенция, на целых сто лет посаженная за высокие стены самодержавно-полицейского терема, насильственно оторванная от здоровой политической самодеятельности, а вместе с этим и от возможности узнать силы и слабости народных масс и свои собственные в сфере реальной будничной практической политики; интеллигенция, получившая в своем тереме политическое воспитание чисто книжное, теоретическое, кабинетное, сплошь

1 *Флобер Г.* Мадам Бовари // Собр. соч. Т. II. СПб., 1896. С. 30–35.

2 *Palante G.* Da philosophie du bovarisme Jules de Gautier. Paris, 1912. *Лапшин И.* О перевоплощаемости в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества. 1914. Т. V. С. 220.

3 *Пушкин А. С.* Герой // Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Худ. лит., 1985. С 485–487. — *Прим. ред.*

Методологические проблемы психологии

и рядом (в особенности молодежь) брошюрно-публицистическое и беллетристическое, — разве она не страдала до самого последнего времени *затяжным политическим боваризмом*, т. е. мечтательным героизмом? Только за последние два-три года русская интеллигенция начала понемногу избавляться от этого недостатка, стала трезветь, вкусивши и трудностей государственного управления и «слабостей человеческих», как своих собственных интеллигентских, так и народных.

Превратить наш мечтательно-романтический героизм в практично-трудо­вой — очередная задача общественной и государственной педагогики. Для ее осуществления путь намечен в общем правильно: это трудовое воспитание, если только мы не бросимся в другую крайность и не вытесним общего образования ремесленно-прикладным. Действительно, ручной труд, некоторая доля самообслуживания в школе, физическое развитие, школьное самоуправление, иллюстративный метод преподавания, изучение явлений и законов природы в процессе их хозяйственно-прикладного использования, ознакомление молодежи (поскольку это доступно) с окружающей жизнью (культурной, хозяйственной, политической), с ее нуждами, задачами и трудностями, все это — сильные и необходимые средства для борьбы с мечтательно-романтическими задатками молодого поколения.

Но этого недостаточно. Нужно осуществить сократовский призыв: «Человек, познай самого себя». Нужно направить молодежь к изучению человеческой природы, как положительных, так и отрицательных ее сторон, к *изучению всех побудительных стимулов человеческого поведения в реальной жизни*, всех склонностей, влечений, способностей и недостатков, *из которых вырастает живая история*, со всеми ее крайностями и противоречиями: подвигами и преступлениями, героизмом и пошлостью, созиданиями и разрушениями, мечтой и расчетом, трудовым азартом до переутомления и ленивым наслаждением до расслабления, верой в свои силы до самообожания и неуверенностью в себе до унижительного отчаяния, и т. д., и т. д.

Для понимания всех этих психических фактов, которые историческими «горами двигают», традиционная психология, изучающая «человека вообще», очень мало дает.

Возьмите лучшее руководство по психологии, самое свежее и вместе с тем авторитетное, университетский курс проф. Э. Б. Титченера¹. Что вы там найдете? «Социальным и религиозным чувствам» (скромность, тщеславие, сожаление, злорадство, гордость, месть, благоговение, вера, экстаз и т. п.) автор уделяет ровно 12 строчек. Он просто их перечисляет и тем ограничивается (II, с. 185). Это объясняется уже конечно не недостатком места: учебник большой (в двух частях — 484 страницы); для одного анализа ощущений (зрительных, слуховых, обонятельных и т. д.) нашлось целых 150 страниц; специально «щекотка и зуд» удостоились отдельного параграфа в две страницы (I, § 43). А для социальных и религиозных чувств — 12 строчек. Это замечательно характерно! Но может

¹ Проф. Э. Б. Титченер. Учебник психологии: В II ч. Ч. I, II / Пер. с англ. М., 1914.

Пётр Иосифович Кругликов

быть, автор уделяет так мало внимания этим чувствам потому, что считает изучение их делом «коллективной психологии»? Хорошо. Но тогда какие же чувства должны быть описаны в университетском курсе индивидуальной и общей психологии, задачей которой является изучение психики «взрослого культурного человека»¹? Ведь и другие чувства в книге Титченера постигает та же трагическая судьба: интеллектуальным чувствам (чувства согласия и противоречия, легкости и трудности, истинности и ложности, уверенности и неуверенности) достается полстраницы, эстетическим — полторы. В чем же дело? Оказывается, проф. Титченер считает возможным касаться в общем курсе психологии только тех психических явлений, которые исследованы экспериментально. А как раз вышеуказанные чувства или совсем не изучены экспериментально (интеллектуальные, социальные и религиозные), или изучены так слабо (эстетические), что «какое бы то ни было обобщение является преждевременным» (II, с. 184). А можно ли их исследовать экспериментально? Автор в этом почти не сомневается. Относительно интеллектуальных чувств он еще колеблется и говорит, что характер этих чувств едва ли доступен экспериментальному наблюдению, хотя сейчас же высказывает предположение, что *«измененный метод, приспособленный непосредственно для того, чтобы вызвать высшие чувства, даст лучшие результаты»* (там же, с. 185). А относительно социальных и религиозных чувств он вовсе не сомневается. Он прямо говорит: «Экспериментально они еще не исследованы» (там же). Очевидно, проф. Титченер льстит себя надеждой когда-нибудь в своей лаборатории «экспериментально исследовать» и гордость, и смирение, и благоговение, и экстаз.

Что можно сказать по этому поводу? Предоставим лучше слово отцу экспериментальной психологии Вундту. «Здесь перед нами, — сказал он по аналогичному же поводу — то роковое влияние, какое может иметь слово, применяемое за пределами той области, где оно сохраняет свое значение. Если *более элементарные области психологии называть „экспериментальной психологией“* и усматривать в ней важный отличительный признак от более старой психологии, которая не пользовалась этим вспомогательным средством, то это, конечно, *вполне правильно*. Но если всю психологию называть экспериментальной, то это столь же несомненно неверно, потому что *есть области, по природе своей недоступные эксперименту...* Было бы, конечно, неопасно, если бы психологи называли всю науку свою в целом, как это и происходило первоначально, именем, характерным для важнейшей части их методов. Как это показывают некоторые примеры, часто происходит не то, а название совпадает у них с самим делом. Они называют себя экспериментальными психологами и на этом основании чувствуют себя вообще свободными от обязанности посвящать свое внимание областям, выходящим за пределы эксперимента, или же, что еще хуже, они и к их изучению применяют метод экспериментальный. Так зародилась так называемая экспериментальная психология интеллекта. Самый обычный ее метод заключается в том, что при помощи вопроса, утверждения или како-

1 Терминология и классификация Титченера (I, с. 35).

Методологические проблемы психологии

го-нибудь необычайного действия вызывается в „испытуемом лице“ некоторый процесс мышления, который и регистрируется; если же никакого процесса мышления нет, то об этом размышляется, и это размышление о деле выдается за самое дело. Вряд ли стоит доказывать, что эксперименты в таких опытах вообще не представляют собою экспериментов в научном смысле слова. Но они получаются как естественный результат, раз эксперимент применяется к проблемам, к которым он по сути вещей вообще не применим»¹.

Не мешало бы вспомнить всем страдающим экспериментальной манией, что существуют естественные науки, которые не применяют эксперимента, а пользуются лишь методом *систематического и сравнительного наблюдения*, как, например, геология. И несмотря на это науки эти добились многочисленных и глубоких обобщений. А вот в экспериментальной эстетике, по признанию самого Титченера, «какое бы то ни было обобщение является преждевременным», и «многие исследователи эстетики не признают экспериментальной эстетики» (II, с. 184). Значит, и хороший метод может дать плохие результаты, если его применять там, где не следует. Так оно и было. Титченер говорит, что построения экспериментальной эстетики до недавнего времени располагали «только *скудными данными самонаблюдения*», и «лишь мало-помалу прокладывает себе дорогу убеждение, что *интроспективное описание эстетических переживаний* есть условие *sine qua non*² психологической эстетики» (там же). Очевидно, что большинство экспериментов било мимо психики, не могло выудить эстетических переживаний. Да и понятно. Только самые элементарные эстетические переживания, и то не все, можно в любой момент искусственно вызвать в лаборатории. Часть же их и почти все сложные и глубокие эстетические переживания можно самонаблюдать лишь там, где они естественно развертываются во всю полноту, без искажения, т. е. в *соответствующих жизненных исторических условиях*, где они веками протекали: в театре, на лоне природы, на общественных празднествах, в процессиях и играх, дома в интимной обстановке, при созидании собственного или восприятию чужого художественного произведения и т. д., и т. д. Значит, метод психолога должен заключаться главным образом в *систематическом и сравнительном изучении своих собственных и чужих эстетических самонаблюдений*. Чужие самонаблюдения психолог может изучить по таким материалам, как дневники, воспоминания, письма, художественные произведения, биографии, устные признания и т. п. Сколько ценных обобщений дает такое неэкспериментальное исследование, можно судить по очень интересной статье И. Лапшина «О перевоплощаемости в художественном творчестве»³.

1 Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. № 10. С. 123.

2 Автор использует сокращенный вариант устойчивого латинского выражения «*conditio sine qua non*» – необходимое, обязательное условие. – *Прим. ред.*

3 Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Теория творчества. Мифотворчество (Непериодическое издание, выходящее под редакцией Б. А. Лезина). Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. – *Прим. ред.*

Но как раз такого-то вот изучения живых исторических людей в естественном историческом проявлении и отпечатления их психик по жизненным историческим материалам и боится большинство психологов.

Вот почему им не удается как раз тот отдел психологии, который людьми больше всего интересуется, отдел изучения эмоций, страстей и влечений. Знание этих психических явлений особенно трудно приобрести, не изучая настоящей и прошлой исторической жизни и исторических документов. Психологов скрывает традиционная оторванность от культурно-социальных наук.

Даже если взять такого исследователя, как В. Джемс. Он не страдает экспериментальной манией, не считает, что душу человеческую можно исследовать только рычагами и колесами экспериментального кабинета. Его анализ глубже и тоньше других. По самому складу своего ума он более близок и чуток к живым человеческим душам, с которыми ему приходилось сталкиваться. Но и на нем заметна эта *традиционная беспомощность психологов перед мотивами человеческого поведения*.

Попробуйте ознакомиться с этими мотивами по его руководству¹. И у него эмоциям и инстинктам отведено ничтожное место — 38 страниц, десятая часть всей книги. Что же мы получаем из этих двух глав?

В главе об инстинкте (XXV) вы найдете длинную характеристику инстинкта вообще и факторов, «нарушающих единообразие инстинктов», с примерами из животной жизни. Затем идет маленький параграф (около двух страниц) с таким заголовком — «*Перечисление человеческих инстинктов*». В нем автор действительно только лишь перечисляет, по Прейеру («Душа ребенка»), инстинкты, проявляющиеся в различные периоды детского возраста: страх, симпатию, застенчивость, общительность, скромность и т. д.² И наконец, для более близкого знакомства «хотя бы с одним каким-нибудь инстинктом», автор заканчивает главу параграфом «Описание страха». Вот и всё.

Если инстинкты являются стимулами человеческой деятельности, то мы хотим знать *все эти стимулы* и поведение, в котором они *выражаются в жизни*, а не один страх. Нам нужна не иллюстрация к схематическому описанию «инстинкта вообще», а знание всех этих двигателей, заполняющих человеческую душу, влияющих на историческую судьбу человека, хотя и подвергающихся влиянию исторических условий в свою очередь. Именно это знание должна нам дать психологическая наука, анализ *содержания* каждого инстинкта, каждой эмоции, а не описание *формы*, в которой выражаются инстинкты и эмоции «вообще». В противном случае для чего же нам нужна психология?

Что же мы находим в главе XXIV об эмоции? Прежде всего она озаглавлена тем же характерным единственным числом — «эмоция» вместо «эмоции», —

1 *Джемс У.* Психология / Пер. с англ. 5-е изд. СПб., 1905.

2 Книга выдержала несколько изданий на русском языке. См., напр.: *Прейер В.* Душа ребенка: Наблюдения над духовным развитием человека в первые годы жизни / Пер. с послед. (7-го) нем. изд. / Под ред. и с предисл. В. Ф. Динзе. СПб.: Тип. О. Богданова, 1912. — *Прим. ред.*

Методологические проблемы психологии

как и глава XXV («инстинкт» вместо «инстинкты»). Это уже дурное предзнаменование, что последует характеристика «эмоции вообще». Так оно и есть. Джемс *перечисляет* «грубые формы эмоций»: гнев, страх, любовь, ненависть, радость, печаль, стыд, гордость; затем «более утонченные»: моральные, интеллектуальные и эстетические чувствования; указывает, что «объекты эмоций можно описывать без конца», что бесчисленные оттенки каждой из них незаметно переходят один в другой, что «часто описательная литература по этому вопросу, начиная с Декарта и до наших дней, представляет самый скучный отдел психологии», ибо в подобных описаниях «нет никакого плодотворного руководящего начала, никакой основной точки зрения» (там же, с. 321). А затем на основании этих соображений автор говорит: «Я не стану приводить здесь никакого инвентаря эмоций, никакой классификации их и никакого описания их симптомов. Почти все это читатель может вывести сам из самонаблюдения и наблюдения окружающих. Впрочем, как образчик лучшего описания симптомов эмоции, я приведу здесь дарвиновское описание симптомов страха» (там же, с. 331). И дальше следует это описание¹. Чем же заполняет Джемс остальную часть главы XXIV? Изложением своей оригинальной, наделавшей шуму теории эмоций, основная формула которой гласит: «Чувствование в грубых формах эмоции есть результат ее телесных проявлений».

Что же выходит? Читатель, желающий ознакомиться по руководству Джемса с человеческими инстинктами-эмоциями, кроме как о страхе ни о чем не получит представления. Даже те человеческие двигатели, которые потрясли современную Европу до основания международной и гражданской войны, которые и в прошлом приводили к великим созиданиям и великим разрушениям, — наклонность к изобретению и соревнование, — даже и эти влечения только лишь упомянуты; все, что находит нужным сказать о них Джемс (по Прейеру), так это то, что они «развиваются очень рано» (там же, с. 351). А вот насчет анатомического строения уха психолог Джемс не скупится на подробности: вы в его руководстве найдете детальное описание (на пяти страницах) внешнего уха, барабанной полости, слуховых косточек, костного лабиринта, перепончатого лабиринта, кортиевых столбов, описание со всей латинской терминологией. Я не спорю с тем, что знакомство с устройством органов чувств нужно для изучающего психологию. Но согласитесь, что если одно из лучших руководств по психологии дает читателю возможность основательно ознакомиться с кортиевыми столбами и евстахиевой трубой и только в двух словах ему сообщает о влечении человека к приобретению и соревнованию, нельзя признать тако-

1 В главе об инстинкте описание страха содержит в себе характеристику стимулов страха (чего человек боится), а здесь симптомов (как страх выражается). Благодаря произвольному делению человеческих влечений на эмоции («стремление к чувствованиям») и инстинкты («стремление к действиям») Джемс не знает, к какой из этих групп отнести страх, соревнование, любопытство. Хотя он сейчас же прибавляет, что «с научной точки зрения это безразлично» (там же, с. 320). Вот почему описание страха попало и в XXIV, и в XXV главу. Спрашивается, с какой же точки зрения автор произвел отделение инстинктов от эмоций?

го положения нормальным. Тем более если иметь в виду читателя из педагогов (как имеет Джемс) или общественных деятелей.

Затем еще один прямо-таки зияющий пробел. Джемс ни звуком не упоминает о тех психических источниках, из которых рождаются религиозные порывы и представления. Это тем досаднее, что ведь автор более, чем кто-либо из современных психологов, знаком с этой областью. Как лично заинтересованный в религии он обработал большой материал религиозных признаний и самонаблюдений целого ряда лиц и претворил этот материал в необычайно ценную книгу, богатую мыслями¹. Почему же он в большом популярном курсе не мог посвятить читателей в такую важную область, как психология религии, уделить ей ну хоть столько же внимания, сколько он уделяет описанию «способности кожи к локализации ощущений»? Должен же читатель иметь хоть некоторое представление, какое место религиозные переживания занимают в потоке душевной жизни, из каких элементов они слагаются. Если религиозные переживания явление сложное и его не втиснешь ни в одну из традиционных рубрик – ум, чувство и воля, – значит, пора выйти за эти рубрики. Разве не сам Джемс говорит (там же, предисловие, с. VII), как важно иметь дело не «с искусственными абстракциями», а с «жизненными явлениями», как важно получить «живое понимание душевных явлений», остановить внимание как можно дольше «на конкретных состояниях нашего сознания *во всей их цельности*».

Ясно, что сделать это Джемсу помешала все та же традиционная скорлупа, в силу которой общая психология не считает своей обязанностью исследовать «исторического человека» на его прошлой и настоящей жизненной арене, со всеми его творениями и несуразностями.

Наконец, возьмем страх, излюбленную эмоцию всех аффектологов и обязательный образец эмоций во всех учебниках. И в описании стимулов страха Джемс обессилил себя все тем же историческим нигилизмом. Когда он начинает перечислять, чего человек боится, вы чувствуете, как узок его горизонт, лишенный исторической перспективы. Все его примеры взяты из переживаний его собственных, его детей, некоторых знакомых и из нескольких книг по детской психологии и зоопсихологии. Вот объекты страха у нормальных людей, на которые указывает Джемс; шумы (гром, вой бури), странные на вид люди и странные животные, черные предметы и темные места, высокие места, мертвецы, образы привидений, домовых и ведьм.

Все эти стимулы страха Джемс приводит, не делая между ними различия, тогда как исторические свидетельства и описание жизни малокультурной части современного человечества говорят нам, что особенно большую роль в жизни людей играл *страх сверхъестественных явлений*: покойников, привидений, чертей, домовых, оборотней и т. д., т. е. образов, созданных человеческой фан-

1 *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. Изд. «Русск. Бог». (Мы не нашли подобного издательства, возможна опечатка. Приводим выходные данные другого, современного автору, издания этой книги: *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта / Пер. В. Г. Малахиевой-Мирович, М. В. Шик. М.: Издание журнала «Русская мысль», 1910. – *Прим. ред.*)

Методологические проблемы психологии

тазией. Погружаясь в биологическую расплывчатость, Джемс не делает различия между животными и людскими страхами. А разница между ними огромная. *Фантазия*, отличающая человека от животных, вооружила человека культурой (оружием, хозяйственной техникой и т. п.) и тем поставила его над животными. Но она же множила и *страхи*; к животным страхам реальных предметов, которые воспринимаются органами чувств (шум, движущийся предмет, бегущее навстречу животное и т. д.), она прибавила *чисто человеческие страхи* нереальных предметов; она населила окружающий человека мир «духами», которые беспокоили его и влияли на его жизнь иной раз в гораздо большей степени, чем реальные опасности. Самая боязнь темноты – продукт чисто человеческой «мнительности», т. е. впечатлительного воображения. Человек боится не самой темноты, а тех образов, которые его фантазия выбрасывает в эту темноту, тех «привидений», которые ему, как говорят, «мерещатся», «чудятся». Темнота – самое благоприятное условие, которое нужно для того, чтобы наша «фантазия разыгралась», или, как говорят еще, «нервы расходились». Самый легкий шорох мгновенно дополняется воображением. Даже так называемый «безотчетный» страх, который испытывает иной раз здоровый, свободный от всяких предрассудков интеллигентный человек в темноте, даже и этот страх означает, что человеку хоть чуть-чуть, но «мнится», «мерещится» и «чудится», что работает его фантазия. Такой страх прямо пропорционален впечатлительности воображения. Так называемая «инстинктивная боязнь темноты» едва ли существует. Да и от кого нам унаследовать такой инстинкт? Животные в привычной обстановке спокойно чувствуют себя в темноте.

Таким образом, воображение может умножать и растягивать страх, превращая его в *состояние длительной тревоги*, которое отличается от собственно аффекта, от бурной эмоциональной вспышки. С другой стороны, эта хроническая тревога стимулирует работу фантазии к созиданию новых «страшных» образов. Получается взаимоотношение страха и фантазии, нарастающий клубок фантазирующего страха или напуганной фантазии.

Фантазия может входить в такой процесс взаимопитания не только с эмоцией страха, но и с другими эмоциями – инстинктами, например, с половым влечением, превращая его в сладострастье, с гневом, превращая его в ненависть. Фантазия, разыскивая новые и новые объекты для удовлетворения эмоций или помогая человеку многократно вкушать и смаковать переживание этих эмоций, разжигает их, и, в свою очередь, эти раздувшиеся эмоции стимулируют фантазию к новым поискам желаемых объектов и к новым вожделениям в мечтах. Такая фантазирующая, *мечтающая эмоция*, длительное ненасытное влечение уже перестает быть эмоцией-инстинктом. Она *перерождается в страсть*. Вот почему сердцевед Шекспир назвал фантазию «владыкой страстей». Разницу между эмоцией и страстью очень хорошо выразил Кант: «Эмоция, – говорит он, – все равно, что вода, прорывающая плотину, страсть же – это поток, роющий себе все более глубокое ложе»¹.

1 Кант И. Антропология. Книга III. § 73.

Животные не знают страстей. Сила фантазии не прикоснулась к их эмоциям-инстинктам. Оттого их желания грубы и необузданны, но они проще, естественнее, легко удовлетворяются, ритмически колеблются в постоянных ограниченных пределах. Человеческие же потребности, возбуждаемые мечтой-фантазией, могут расти до бесконечности, как в дурную, так и в хорошую сторону. Человек — единственное ненасытное и беспокойное животное.

Взаимодействие воображения и эмоций и образование страстей, почти не изученное психологами, больше освещенное в художественной литературе и отчасти в исторической, говорит за то, что классификация «ум, чувство, воля» нуждается в исправлении¹ и что термин «страсть», изгнанный из психологии во второй половине XIX в.², должен быть восстановлен в своих правах. Джемс этой проблемы совсем не касается.

Возвращаясь к вопросу, от которого мы уклонились, укажем на то, что Джемс забыл еще один стимул страха, играющий в истории культуры огромную роль, — это смерть.

Страх смерти, опять-таки чисто человеческий страх, вдохновил человеческую фантазию искать утешения в религии и в философии. Подробнее мы коснемся этого факта ниже.

Страх смерти, просыпающийся у одних в более позднем, у других в более раннем возрасте, выражающийся у одних бледнее, у других ярче, не есть аффект в общепринятом смысле слова. Это длительная, хроническая *тревога*, сверлящая человеческую душу. Нарастая, она может принять форму *отчаяния* (как у Толстого). Но в этих размерах страх смерти не есть аффект, как его описывает Джемс, по Дарвину. В нем нет бурных форм припадка, конвульсии. Тревога-отчаяние — это скорее страсть, но не эмоция.

Есть еще один такого же характера страх, не указанный Джемсом. В наш промышленный век, и тем более в Америке, он является одним из сильных мотивов человеческого поведения. Это — *тревога* за свое *существование*, за будущее экономическое положение, постоянные напряженность, настороженность и беспокойство за прочность своего положения. Dr Willy Hellpach именно этот фактор считает причиной нервозности (Nervosität) нашего времени. По его мнению, «неустойчивость существования (Existenzunsicherheit) *неисчезающим призраком* стоит за плечами как предпринимателя, так и рабочего; мировое хозяйство с его свободной конкуренцией, перепроизводством и кризисами настолько усложнило все предприятия, что прочность их будущего положения предвидеть почти невозможно³. Неисчезающий призрак тревоги за свое существова-

1 Проф. Т. Рибо. О страстях: психологический этюд / Пер. с фр. Одесса: А. Капельман и Навроцкий, 1912. С. 8. (Подробнее об авторе см. Именной указатель. — Прим. ред.)

2 См. об этом: Лосский Н. О. Недостатки традиционной классификации психических явлений // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 5. С. 276.

3 Dr Willy Hellpach. Sociale Ursachen und Wirkungen der Nervosität // Politisch-Antropologische Revue. 1902. V. 3. P. 52. (Подробнее об авторе см. Именной указатель. — Прим. ред.)